
СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

ТРИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКА ФРАНЦУЗСКОГО КОММУНИЗМА XVIII В.: ВОЛГИН, ПОРШНЕВ, КУЧЕРЕНКО

А.В. Гладышев

В своем сообщении я попытаюсь дать общее представление о таком направлении советской историографии, как история коммунистических идей, сквозь призму творчества трех видных специалистов по данной проблематике – В.П. Волгина, Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко.

Обращение к этой теме в рамках нашего colloquium обусловлено следующими соображениями: во-первых, в центре внимания советской историографии домарксовых коммунистических доктрин стояло, прежде всего, изучение французской общественной мысли; во-вторых, так сложилось, что первые труды ведущих советских специалистов по этой тематике были посвящены мыслителю XVIII в. Жану Мелье; в-третьих, изучение французского коммунизма XVIII в. и, в частности, идей Мелье, имело в советской историографии четко выраженную *преэминентность*. Мелье изучали и Волгин, и Поршнев, и Кучеренко. В этом отношении история изучения в СССР французского утопического коммунизма XVIII в. отражает историю трех поколений, трех возрастов советской историографии. Более того, мы имеем в нашем случае дело не только с историографической традицией, но и с настоящей научной школой: Поршнев был учеником Волгина, Кучеренко – учеником Поршнева. Тем самым сегодня мы в праве говорить о судьбе школы изучения раннего французского коммунизма в советской историографии.

История коммунистических и социалистических идей была для советской исторической науки не просто новым, но и вполне понятным идеологическим причинам «элитарным» направлением: долгое время его осеняла фигура, пожалуй, самого высокопоставленного историка своего времени – академика Вячеслава Петровича Волгина (1879–1962). Его научно-организационная и общественно-политическая деятельность занимает добрую половину истории советской исторической науки, начиная с самых ее истоков. Это был в политическом

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и истории международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

плане один из наиболее влиятельных историков Советской России, личность, безусловно, незаурядная, но отчасти мифологизированная в научной литературе своими учениками и коллегами.

Конечно, Волгин был не первым, кто обратил внимание на социалистические и коммунистические учения прошлого. Определенная традиция их изучения была заложена еще дореволюционными русскими историками. Область исторических интересов Волгина оформилась еще в студенческие годы в семинаре В.И. Герье¹. Однако после установления в 1917 г. политического режима, основанного на коммунистической идеологии, сюжеты его научных штудий приобрели важное идеологическое и в чем-то даже сакральное значение. И именно Волгин выступил с обоснованием необходимости выделить исследования на столь государственно значимую тему в самостоятельное направление историографии.

В 1918 г. он издал на основе своей университетской дипломной работы статью о Мелье, а на следующий год опубликовал в виде отдельной брошюры и саму дипломную работу². Для этой брошюры Волгин существенно переработал текст: именно здесь он впервые сформулировал тезис об отношении к собственности как о критерии различия между утопическим социализмом (или коммунизмом, четкого разделения между этими двумя понятиями тогда не проводилось) и эгалитаризмом: если мыслитель выступает за обобществление собственности, он – социалист (коммунист), если за ее уравнение – эгалитарист. Позднее этот тезис был возведен советской историографией в ранг универсального критерия квалификации того или иного учения в качестве «социалистического» («коммунистического»).

Но задача по выделению истории социалистических и коммунистических идей в отдельное направление историографии оказалась не столь уж и простой. Волгин сам признавал, что у Мелье «совершенно не чувствительна» грань между идеями коммунистическими и всеми остальными. Поэтому-то, считал он, исследователь и должен взять на себя труд «в целях ясности и отчетливости изложения», «выделить социалистическую критику общества и коммунистические идеи Мелье из всей совокупности его социально-политических идей»³. С помощью подобного приема Волгин интерпретировал этого мыслителя как представителя «последовательно коммунистического крыла в социальной критике XVIII в.». При этом подчеркивалось, что фигура Мелье,

¹ Здесь он сделал доклад на тему: «Социализм в древнем мире». Как он сам позднее об этом вспоминал: это была попытка применить метод диалектического материализма в истории общественной мысли и эта попытка вызвала тогда «всеобщую сенсацию». См.: Архив АН РФ. Ф. 2. Оп. 28. Д. 1. Л. 34.

² Волгин В.П. Жан Мелье и его «Завещание» // Голос минувшего. 1918. № 1–3; *Он же*. Революционный коммунист XVIII в. Жан Мелье и его «Завещание». М., 1919.

³ Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.; Л., 1935. С. 121.

олицетворяющая собой «коммунистическое крыло», имеет важное значение для характеристики эпохи в целом: откуда мы знаем, риторически вопрошал Волгин, что в сельской глубинке Франции не жили где-то в забвении и изоляции другие мелье? Благодаря Мелье, утверждал он, «мы знаем, наконец, какие смутные мечты и чаяния бродили в среде самой обездоленной массы». Сегодня мы бы сказали, что Волгин в этой работе о Мелье выглядит скорее интерпретатором и популяризатором, использующим характерные риторические приемы, нежели ученым-эрудитом. Но писалось-то все это около ста лет назад, и, если мы возьмем книги Герье, Шахова, Виппера, то, по большому счету, и эти авторы могут показаться нам более компиляторами, нежели первооткрывателями... Во всяком случае, именно так, по определению В.А. Дунаевского, были заложены основы «марксистского мельеведения»⁴.

В 1919 г. Волгин был «командирован партией» в Московский госуниверситет, в качестве профессора кафедры истории социализма – единственной тогда в мире подобной кафедры. С 1921 г. стал ректором МГУ, где ускоренными темпами создавал «коллектив советских ученых»⁵. В те годы у него вышел в свет этюд о Морелли (1921)⁶, статья «Общественные теории XVIII века»⁷, очерк «Идейное наследие бабуизма»⁸.

Государство новой формации, построенное на идеологии, нуждалось в «своей» истории «своих» идей. Но первые годы советской власти по истории социалистических идей выходила главным образом агитационная литература, где домарковские социалисты изображались «пророками кооперации». Было немало путаницы и фактических ошибок⁹.

⁴ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981. С. 192.

⁵ Кстати, самому «красному профессору» В.П. Волгину ученая степень доктора исторических наук будет присвоена на основании постановления Совнаркома от 13 января 1934, т.е. тогда, когда он уже будет академиком, и не просто членом АН СССР, а одним из ее руководителей. См.: Архив АН РФ. Ф. 411. Оп. 3. Д. 238 а. Л. 9.

⁶ Волгин В.П. Предисловие // Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М., 1921. С. VII–XXII.

⁷ Волгин В.П. Общественные теории XVIII века // Англия и Франция на исходе XVIII в. Пг., 1922. С. 185–229.

⁸ Волгин В.П. Идейное наследие бабуизма // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. Этот очерк также см.: *Он же*. Очерки по истории социализма. М., 1923 и в последующих переизданиях. Потом он еще не однократно будет возвращаться к теме бабуизма, а одну из своих итоговых работ – «Французский утопический коммунизм» – посвятит двухсотлетию со дня рождения Г. Бабефа. Машинопись на французском языке сообщения Волгина «Движение равных и их социальные идеи» на colloquiume, посвященном Бабефу см.: Архив АН РФ. Ф. 514. Оп. 3. Д. 14. Л. 19–29.

⁹ Характеристику отечественной историографии первых лет советской власти см.: Дунаевский В.А., Поршнев Б.Ф. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917 – 1963) // История социалистических учений. М., 1964.

Именно Волгин первым попытался исправить положение, из-за чего позднее был признан «основателем новой научной отрасли – истории социалистических идей»¹⁰ и «выдающимся советского историка», который всегда стремился проанализировать наследие представителей раннего французского социализма и коммунизма с позиций марксистской методологии¹¹. Как станут потом писать: «подлинно научное изучение французского утопического социализма начинается в России на грани XIX–XX и связано с именем В.П. Волгина»¹².

Но, по большому счету Волгин занимался не столько *изучением* (хотя мы, конечно, понимаем, насколько изменчивы и условны критерии «научности»), сколько *популяризацией* социалистических идей прошлого. Его обобщающие труды по данной тематике («Очерки по истории социализма»¹³ и «История социалистических идей») представляли собою не собственно исследования, а курсы лекций по истории социализма, в которых автор ставил целью «дать связное изложение развития социалистических идей в сжатой и по возможности доступной форме»¹⁴.

Пропаганда и популяризация знаний по истории социализма, которые Волгин сделал лейтмотивом своей научной деятельности¹⁵, имели, по его мнению, важное практическое значение для общества, «строящего социализм». Во-первых, как отмечал сам Волгин, это необходимо, чтобы «узнавать в общей массе современных социалистических течений старые разновидности социалистической мысли, отличать жизнеспособные элементы от элементов устарелых»¹⁶. Во-вторых, древность происхождения обеспечивает идее авторитет, а потому «узкая» трактовка социализма как явления XIX века, предлагавшаяся, например, Ф. Мерингом¹⁷, не устраивала советских идеологов. Волгин находил «элементы социализма» даже в Древнем Мире.

¹⁰ См., например: ФЕ 1962. М., 1963 С. 487. А.З. Манфред: «В.П. Волгин создал новую отрасль исторического знания – историю социалистических идей домарковского периода как науку, как особую отрасль истории». См. также: Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Указ. соч. С. 228.

¹¹ См.: Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. С. 43

¹² Далин В.М. Изучение истории французского социализма (до 1914 г.) в советской науке // НиНИ. 1974. № 2. С.147.

¹³ Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.; Пг., 1923.

¹⁴ Волгин В.П. История социалистических идей. Ч. 1. М.; Л., 1928. С. 3.

¹⁵ По сути, те же цели преследовало издание под общей редакцией Волгина серий «Предшественники современного социализма» (1921–1923), «Социальные утопии» (1935–1937), «Предшественники научного социализма» (1947–1962). В 1927 г. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса также планировал издание серии «Классики социализма», которая должна была выходить под редакцией В.П. Волгина и Д.Б. Рязанова. Но издание не состоялось. См.: Дунаевский В.А., Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 15 сноска.

¹⁶ Волгин В.П. История социалистических идей. Ч. 1. М.; Л., 1928. С. 7–8.

¹⁷ См.: Меринг Ф. Из общественных учений XIX в. СПб., 1905.

Конечно, научная ценность исследований Волгиным различных представителей и течений общественной мысли не равновелика. Его внимание привлекали вопросы и проблемы как уже разработанные в мировой историографии, так и малоизученные. Но, когда он в 1930 г. был избран в действительные члены Академии Наук, кроме издания своей дипломной работы о Мелье и «Очерков» по истории социализма, он имел из опубликованных исследований, хоть сколько-нибудь напоминающих «фундаментальные», лишь книжечку в 120 страниц «Сен-Симон и сенсимонизм»¹⁸. Она и была указана в одном из протоколов по выдвижению ее автора в академики как «наиболее ценная работа Волгина, написанная с большим талантом»¹⁹. В 1961 г. по случаю 200-летия со дня рождения Сен-Симона Волгин выпустил еще одну книгу «Сен-Симон и сенсимонизм»²⁰. В отчете он указал, что это «пересмотренная и дополненная работа»²¹, однако простое сравнение текстов показывает, что, несмотря на *многообразие* предшествующих публикаций Волгина о Сен-Симоне²², в этом «расширенном», «итоговом» варианте его труд на данную тему оказался немногим меньше 3 п.л. по объему и в основе своей практически полностью повторял научно-популярное сочинение 1924 года.

В 1961 г. за разработку истории домарксовых социалистических учений Волгин был награжден Ленинской премией – высшей в СССР наградой для ученых, являвшейся советским аналогом Нобелевской премии²³. Волгин умер 3 июля 1962 г. До самого конца он так и оставался популяризатором истории социалистических идей²⁴. Сейчас

¹⁸ Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм. М.; Л., 1924.

¹⁹ Архив АН РФ. Ф. 411. Оп. 3. Д. 238. Л. 82. См.: АН СССР. Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР, избранных в феврале 1930 г. Л., 1931. С. 5–9.

²⁰ Волгин В.П. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961.

²¹ Архив АН РФ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 49. Л. 15.

²² Библиографию его работ о Сен-Симоне см.: Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX века. М., 1976. С. 410. «Выдающийся советский историк явился ... автором большого количества исследований, посвященных французскому утописту». (Курсив мой – А.Г.). – Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Указ. соч. С. 63.

²³ См.: Правда. 1961. 22 апреля.

²⁴ Разумеется, это ничуть не умаляет других заслуг Волгина как на чисто исследовательском поприще, так и на ниве организации науки. Например, 25 июня 1958 г. Ж. Лефевр прислал Волгину как Председателю группы по изучению истории Франции письмо от имени Общества робеспьеристских исследований: «Дорогой председатель, прошу простить меня, что пишу Вам с таким опозданием, но хлопоты, связанные с собранием и церемонией празднования 200-летия (со дня рождения Робеспьера – А.Г.) захватили меня до такой степени, что вся остальная моя работа остановилась. Я тронут вашей сердечной телеграммой, так же, как и знаками внимания со стороны Германской Демократической Республики, вы были единственные, кто заинтересовался нашим мероприятием в ознаменование юбилея Робеспьера. Я зачитал Вашу телеграмму 15 июня нашему собранию, которое так же было тронут;

можно по-разному относиться к его методу, но тогда коллегам он нравился. В.М. Далин так описал метод Волгина: «Он очень редко прибегал к цитированию, стремился всегда обнаружить внутреннюю логику той системы, которую излагал <...> Ему удавалось вдуматься в систему, “выпрямить” ее и дать ясное, лаконичное и в то же время исчерпывающее изложение»²⁵. О том же, но другими словами, говорил и Поршневу: «Он отработал чеканный метод изумительно точного и краткого резюмирования подчас громоздких систем создателей утопических и социалистических доктрин»²⁶.

* * *

Как признавали сами советские историки, изучение в СССР домарковского социализма и коммунизма с начала 60-х годов «поднялось на новую ступень»²⁷. От «очерков» перешли к монографиям. От изучения отдельных представителей раннего коммунизма, перешли к изучению в целом этого направления в общественной мысли XVIII в.

Безусловно, наиболее авторитетной фигурой в данной сфере после смерти Волгина стал его ученик Борис Федорович Поршневу (1905–1972), доктор исторических (1941) и философских (1966) наук, почетный доктор Клермон-Ферранского университета (1957). Продолжая традицию своего учителя, Поршневу сначала выступил с докладом о Мелье в сентябре 1955 г. на X Международном конгрессе историков в Риме²⁸, а затем опубликовал первую в мировой историографии книгу об этом мыслителе²⁹. При этом Поршневу всегда подчеркивал, что тему о Мелье он унаследовал от своего учителя Волгина. В более поздних работах Поршневу продолжал разрабатывать историю французского коммунизма XVIII в., высказывая порой весьма неожиданные предположения³⁰. Вслед за Волгиным, он задавался теоретическим вопросом о разграничении понятий «эгалитаризм» и «социализм» («коммунизм»), показывая, в частности, их различие на примере учений Ж.-Ж. Русо и Ж. Мелье.

текст телеграммы будет включен в доклад, который нам прислал Далин, о работах советских историков, посвященных Робеспьеру и революционному правлению. Выражаю благодарность советской Академии Наук от имени наших коллег по группе изучения истории Франции. Заверяю Вас в нашем желании развивать сотрудничество с советскими историками ради прогресса научных изысканий и познания прошлого». – Архив АН РФ. Ф. 514. Оп. 3. Д. 78. Л. 1–10б.

²⁵ Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине // ФЕ. 1962. М., 1963. С. 493.

²⁶ Там же. С. 494.

²⁷ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Указ. соч. С. 113.

²⁸ Поршневу Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.

²⁹ Поршневу Б.Ф. Мелье. М., 1964.

³⁰ Так, он выдвинул предположение, что «Морелли и Дешан – это один и тот же бенедиктинский монах на разных этапах своего жизненного пути». См.: Поршневу Б.Ф. Мелье, Морелли, Дешан // Век Просвещения. М., 1970.

Поршнев был категоричен: «социализм» должен быть четко отделен от «не социализма». Эгалитаристские воззрения Поршнев считал отрицанием коммунистических идеалов, «иным ответом» на запросы бытия, хотя и признавал, что оба эти направления имеют некоторые общие предпосылки, сложные взаимосвязи и переходные ступени. Понимая всю условность вычленения из общественной мысли в целом истории социалистических идей как отдельного направления, Поршнев, тем не менее, полагал, что для историков, «живущих при социализме» подобное вычленение вполне допустимо³¹.

Здесь мы имеем дело с принципиальным (особенно для советской историографии) спором о критериях «социалистичности»³²... Проблема это достаточно сложная и требующая отдельного внимания и обстоятельного изучения, поэтому мы коснемся ее лишь мельком.

Слово имеет собственную жизнь, собственную судьбу. Некоторые исследователи пытаются решить задачу определения того, что же такое собственно «социализм» в истории мысли с помощью историко-этимологических изысканий. От чисто фактологического вопроса, кто и когда первым назвал того или иного мыслителя социалистом, переходят к вопросу, кто первый ввел термин «социализм» и что под ним тогда понималось. Далее предполагается, что путь исследователя должен лежать через исторический анализ семантических мутаций к современному пониманию термина.

Более простой подход, часто применявшийся в советской историографии, – ссылки на авторитетные тексты, т.е. на «классиков» марксизма-ленинизма. Но и здесь возникала проблема. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса менялись, их оценки и характеристики зависели во многом от контекста, целей и задач той или иной конкретной работы. Главная же их цель была противопоставить «утопический» социализм социализму «научному»³³. При этом в их оценках встречаются и противоречия. Хрестоматийный пример: если в качестве критерия социалистичности берется отношение к частной собственности, то, почему К. Маркс и Ф. Энгельс относили к социалистам (пусть и утопическим) Сен-Симона, который никогда не предлагал ее уничтожить? Этот вопрос стал камнем преткновения для историографии,

³¹ *Поршнев Б.Ф.* В.П. Волгин // Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975. С. 6.

³² Лавеле как-то заметил, что «всякий человек будет социалистом с чьей-либо точки зрения». Цит. по: Ляшенко П.И. История экономических учений. Л., 1924. С. 154. Для одного социализм – торжество личности (Карлейль), для другого – «грядущее рабство» (Спенсер).

³³ В «Нищете философии» мы встречаем следующее толкование «социалистичности»: «экономисты служат учеными представителями буржуазного класса, социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 146.

особенно марксистской и, в частности, советской, на многие десятилетия³⁴.

В 20-е годы еще можно было встретить оценки творчества того или иного французского утопического социалиста несколько противоречащие оценкам «классиков марксизма-ленинизма». Противоречие это весьма условно, если иметь в виду, что противоречивы были оценки самих «классиков». Тем не менее, еще Волгин авторитетно заявил: Сен-Симон – социалист «более чем сомнительный».

Поддержал постулат Волгина о критериях социалистичности и Поршнев. Но где-то с 1960-х годов, как отмечает А.В. Гордон, наметилась тенденция к «укорачиванию» истории социалистических идей, и, в конце концов, возобладала точка зрения, что возникновение социализма следует относить не к временам античности или Иисуса Христа, а к Новому времени, когда проявились «противоречия капитализма». На таких позициях в конце 70-х годов стоял Кучеренко³⁵. Добавлю: не просто к «Новому времени», а ко времени зарождения «пролетариата»!

Едва ли не последней в России XX в. работой профессионального историка, посвященной теоретическим проблемам утопического социализма была книга А.Э. Штекли. Автор указывал, что социализм «чуть ли не с момента своего возникновения, проявился в разных формах» и, чтобы «ответить на вопрос, что такое “социализм”, мало помогут даже самые тонкие этимологические изыскания». Штекли решительно протестует против расширительного толкования «социализма», когда элементы последнего находят уже в античности. В его представлении, социализм – это, прежде всего, *антибуржуазное* течение общественной мысли и «бесспорными создателями социализма» являются Сен-Симон, Фурье и Оуэн³⁶.

³⁴ В специальной статье посвященной этому вопросу французский ученый Ж. Деов, пытался найти единый, действующий во все времена критерий социалистичности, и вслед за Ш. Жидом в качестве такового предложил отрицание частной собственности. По его мнению, если отказаться от деления социализма на «утопический» и «научный» и применить этот «универсальный признак социализма» к Сен-Симону, то следует признать, что он не имеет права принадлежать к социалистической школе и «даже претендовать на скромное место среди творцов социалистических учений». См.: *Dehove G. Saint-Simon a-t-il été socialiste? // Revue des études coopératives*. Т. 15. 1935–1936. № 58. Р. 142. И все же автор не уверен: «Был ли Сен-Симон социалистом? С этим можно спорить. Если спросить, был ли Сен-Симон пионером социализма, вдохновителем социалистов, то никто не будет этого отрицать». – *Dehove G. Op. cit.* Р. 149.

³⁵ *Гордон А.В.* Б.Ф. Поршнев: впечатления и размышления // ФЕ 2005. М., 2005. С. 53.

³⁶ См.: *Штекли А.Э.* Утопии и социализм. М., 1993. С. 259, 266. Характеристика Сен-Симона как «выразителя интересов рабочего класса» позволит некоторым марксистским историкам ввести новый критерий «социалистичности» тех или иных идей. Впрочем, даже в этом случае принадлежность Сен-Симона к социалистам выглядит не бесспорной.

Хотя круг научных интересов Поршнева был весьма широк – от международных отношений периода Тридцатилетней войны до проблем социальной психологии, этнографии, антропологии, – именно ему изучение в СССР социалистических идей обязано своим «институциональным расцветом». Работая в Институте истории АН СССР, Поршнев в 1966 г. ушел с поста руководителя сектора Новой истории западноевропейских стран и возглавил специально созданную для него группу по истории социалистических идей. В 1968 г. статус этого подразделения Института был повышен: группа была преобразована в сектор Истории развития общественной мысли. Поршнев занимался общим руководством работой сектора, а ведение всей организационной рутины доверил своему ученику Кучеренко.

Главное, что отличает историю французского утопического социализма в трактовке Поршнева от истории систематизатора и популяризатора Волгина – это стремление защитить своих героев (будь то Мелье или Дешан) от нападок «буржуазных историков» (то есть, как это тогда считалось, «фальсификаторов»). Гордон обращает внимание на то, что у Поршнева отчетливо заметно «прежде всего насыщение исторического анализа отдаленных времен специфической фразеологией середины XX века», на то, что Поршнев «нередко допускал элементы фразеологической и эпистемологической модернизации»³⁷. Буквально повсюду он мог обнаружить «борьбу сил реакции и прогресса». Это может показаться кому-то странным, но в СССР Поршнева одно время обвиняли в отходе от марксизма на том основании, что он *преувеличивал* роль классовой борьбы в истории! На эту «воинственную» черту Б.Ф. Поршнева обращается внимание в исследовании Кондательевых³⁸, в статьях Вите³⁹ и Гордона⁴⁰. И эта тенденция продолжалась до поры до времени в работах Кучеренко...

* * *

³⁷ Гордон А.В. Указ. соч. С. 44, 45.

³⁸ «Одним из самых ярких полемистов того времени был Б.Ф. Поршнев <...> Он, пожалуй, одновременно был и самым последовательным и творческим «строителем» концепции абсолютизма из цитат». – Кондательев С.В., Кондательева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е начало 50-х гг. XX века). Тюмень. 2003. С. 55.

³⁹ Поршнев «выделялся среди историков знанием марксизма и вкусом к теоретическим обобщениям, а среди специалистов по марксизму – знанием фактов и вкусом к изучению исторических источников». – Вите О.Т. Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // ФЕ 2005. М., 2005. С. 7.

⁴⁰ «Кучеренко подобные “эскапады” объяснял мне так: подчеркивая и демонстрируя свою ортодоксальность, Б.Ф. искал прикрытия для своих далеко не ортодоксальных работ (имелась в виду, по моему, теория антропогенеза)». См.: Гордон А.В. Указ. соч. С. 54. Или: «Поршнев не просто позиционировал себя приверженцем официального учения; у него было достаточно оснований воспринимать себя ортодоксальным последователем Маркса в ленинской версии марксистской истории». – Там же. С. 61.

Геннадий Семенович Кучеренко (1932–1997) для отечественной историографии останется, наверное, прежде всего, представителем третьего поколения специалистов по истории утопического социализма, продолжателем дела Волгина и Поршнева. И, если согласиться с теми, кто полагает, что длительное «погружение» в проблему накладывает отпечаток на личность исследователя, что в текстах, выходящих из под пера историка научное, социальное и культурное неразделимы, что, как говорил Жюль Мишле, «история с течением времени создает историка в гораздо большей степени, чем создается им сама»⁴¹, то научная судьба исследователя социалистических учений Кучеренко в какой-то степени олицетворяет судьбу целого направления отечественной историографии, «потерянного» в ходе радикального обновления российской исторической науки на закате XX в.

В 1953 г., будучи еще студентом МГУ, Кучеренко, когда перед ним встал вопрос о специализации, единственный со всего курса записался в семинар Поршнева по истории социалистических учений. Дипломная работа Кучеренко была посвящена Сильвену Марешалю. В ней, в частности, доказывалось, что тот находился под сильным влиянием Жана Мелье⁴². Мне кажется, что здесь отчетливо слышны отголоски идей Поршнева, который находил «неисчерпаемое наследие» Мелье в творчестве едва ли не у всех французских мыслителей Века Просвещения⁴³. И не Марешаль, о котором у Кучеренко выйдет позднее статья, а именно Мелье станет на годы главным героем его научных интересов. Кандидатская диссертация Кучеренко «Роль Жана Мелье в развитии атеистической и социалистической мысли Франции XVIII в.» была в 1968 г. опубликована как монография под редакцией и с предисловием Поршнева⁴⁴. В этом предисловии Поршнева писал, что книга «подводит черту под старые традиции и открывает новые»⁴⁵. Ему вполне естественно казалось, что интересу исследователей к

⁴¹ Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 101.

⁴² Кучеренко Г.С. Роль Сильвена Марешаля в «Заговоре равных»: Из истории Французской буржуазной революции 1789–1794 гг. // НиНИ. 1961. № 6. С. 114–121. См. так же: Кучеренко Г.С. Социально-политические взгляды Сильвена Марешаля: К вопросу о влиянии Жана Мелье на атеистическую и социалистическую мысль Франции XVIII века // История социалистических учений. М., 1962. С. 149–185.

⁴³ См.: Поршнев Б.Ф. Мелье. С. 218.

⁴⁴ Кучеренко Г.С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968. В основу книги легла диссертация, а также дополненные и переработанные статьи. См.: Кучеренко Г.С. Жан Мелье и передовая общественная мысль Франции первой половины XVIII века // ФЕ 1965. М., 1966. С. 5–30; Он же. Жан Мелье и энциклопедисты // НиНИ. 1966. № 5. С. 100–108; Он же. Социально-политические взгляды Сильвена Марешаля: К вопросу о влиянии Жана Мелье на атеистическую и социалистическую мысль Франции XVIII века // История социалистических учений. М., 1962. С. 149–185.

⁴⁵ Поршнев Б.Ф. От редактора // Кучеренко Г.С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. С. 8.

коммунистическим и атеистическим идеям Мелье конца не будет. Однако книга Кучеренко фактически стала последним значительным явлением в отечественном мельеведении (если не считать ряда позднейших историографических и научно-популярных очерков)⁴⁶.

И Поршнев, и Кучеренко оценивали Мелье не как интеллектуального маргинала, а как «необходимое звено истории французской философии»⁴⁷. Кучеренко, опровергая вслед за Поршневым некогда широко распространенное представление о том, что идей Мелье в XVIII веке не знали, поставил перед собой очень сложную и трудоемкую задачу органически вписать идейное наследие Мелье в «историю передовой общественной мысли Франции» эпохи Просвещения. На основе кропотливого анализа материалов российских и французских архивов, редких изданий французских мыслителей, Кучеренко сумел доказать, что многие мыслители Просвещения испытали на себе влияние идей Мелье.

Кучеренко, возглавивший после смерти Поршнева в 1972 г. сектор Истории развития общественной мысли, и в дальнейшем плодотворно занимался историей французского социализма, но хронологические рамки его научного интереса сместились в XIX в. – к изучению творчества сен-симонистов⁴⁸. О них он написал докторскую диссертацию «Сен-симонизм в общественной мысли XIX века», вышедшую монографией в

⁴⁶ Вернуться к этой теме Кучеренко будет суждено лишь, что называется, «пожиная плоды»: в 1970 г. у него выйдет очерк о Мелье и французском материализме XVIII в. в русско-французском сборнике «Век Просвещения» (на русском и в французском языках), а в 1974 г. он выступит на посвященном Мелье коллоквиуме в Реймсе. См.: *Кучеренко Г.С.* Жан Мелье и французский материализм XVIII века // Век Просвещения. Сб. М.; Париж, 1970. С. 82–112; *Koutcherenko G.S.* Jean Meslier et le matérialisme française au XVIII siècle // *Au Siècle des Lumières*. P., 1970. P. 209–232; *Idem.* L'étude de Meslier: bilan et problèmes // *Colloque Internationale: Le cure Meslier et la vie intellectuelle, religieuse et sociale du XVIII siècle*. Reims, 1974. P. 449–465. См. так же: *Кучеренко Г.С.* Второй международный коллоквиум, посвященный Жану Мелье (1664–1729) // Вестник АН СССР. 1975. № 3. С. 104–106; *Он же.* Изучение Жана Мелье: итоги и задачи [Доклад, прочитанный на II Международном коллоквиуме, посвященном Жану Мелье, 17–19 октября 1974 г., Реймс (Франция)] // История социалистических учений. М., 1976. С. 189–191.

⁴⁷ Ср.: «Второй основной тезис Б.Ф. Поршнева состоит в том, что “Завещание” Ж. Мелье было гораздо шире известно среди французских просветителей XVIII в., чем было принято думать, и оказало большое влияние на развитие передовой общественной мысли вплоть до Бабефа и бабувистов». См.: *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Указ. соч. С. 44.

⁴⁸ *Кучеренко Г.С.* О социально-католических интерпретациях идейного наследия Сен-Симона // НиНИ. 1973. № 6. С. 167–175; *Кучеренко Г.С.* Сен-Симон и Тьерри в поисках концепции мирной ассоциации народов // НиНИ. 1974. № 2. С. 42–54; *Кучеренко Г.С.* Сен-симонизм в «Политической экономике и политике» Проспера Анфантена // НиНИ. 1974. № 5. С. 55–70; *Кучеренко Г.С.* Сен-Симон и Базар // НиНИ. 1975. № 1. С. 105–118; *Кучеренко Г.С.* Фурье и Сен-Симон // ВИ. 1975. № 1. С. 116–133.

1975 г.⁴⁹ В дальнейшем Кучеренко обратился к изучению взглядов собственно Сен-Симона, о котором хотел написать отдельную книгу. Но ему, так же, как известному французскому специалисту по Сен-Симону Ж. Дотри, судьба не позволила реализовать этот замысел.

В 1981 г. увидели свет книги Кучеренко – «Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI–XIX вв.»⁵⁰ и (в соавторстве с Дунаевским) «Западно-европейский утопический социализм в работах советских историков», которая и сегодня еще служит прекрасным справочным пособием для интересующихся этой проблематикой. В том же году им были опубликованы две статьи⁵¹, одна из которых стала программной для автора этих строк, подвинула его на написание диссертационного исследования⁵². В 1987 г. Кучеренко уехал работать во Францию директором департамента ЮНЕСКО. Три года спустя он вернулся уже в другую страну.

Для того чтобы понять, что произошло с Кучеренко, следует бросить взгляд на то, что происходило с российской исторической наукой в целом.

«Перестройка» повлекла за собой десятилетие методологического смущения и *растерянности* многих российских историков, особенно старших поколений. Понятно, что на смену воинствующей марксистской идеологии должно было прийти что-то новое. В эпоху мировоззренческого и методологического плюрализма стало можно практически все. Но умы, сформировавшиеся в условиях обязательных ссылок на «авторитетный текст», еще должны были привыкнуть к свободе, к самостоятельности. Историки, ранее все, как один, считавшиеся марксистами, учились обходиться без практики неперемогимого цитирования классиков марксизма-ленинизма, считавшейся отныне дурным тоном. «Слова “класс”, “способ производства”, “производственные отношения”, “общественно-экономическая формация” стали почти что неприличными. Даже нейтральные термины “система” и “структура” стали

⁴⁹ Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. Рец.: Адо А.В. // НиНИ, 1976, № 2. С. 192–194; Королев Н. // Коммунист. 1976. № 9. С. 127–128; Застенкер Н.Е. // ВИ. 1977. № 3. С. 169–172. См. также: Koutchérenko G. La pensée sociale française au début du XIX siècle. М., 1989.

⁵⁰ Довольно большое время спустя, в 1986 г., за эту книгу постановлением Московского горкома ВЛКСМ ему будет присуждена бронзовая медаль. Хвалебную рецензию на эту книгу написал А.В. Адо. См.: НиНИ. 1983. № 2. С. 198–201.

⁵¹ Кучеренко Г.С. «Утопия» во Франции XVII в. // Томас Мор (1478–1978): Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981. С. 237–259; Кучеренко Г.С. Великая французская революция в оценке социалистов-утопистов конца XVIII – начала XIX в.: Постановка вопроса // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 112–133.

⁵² Гладышев А.В. Миры К.-А. Сен-Симона. От Старого Порядка к Реставрации. Саратов, 2003.

казаться подозрительными»⁵³. Я привожу здесь эти слова П.Ю. Уварова как свидетельство современника того разброда, что царил тогда в умах элиты российской историографии. Историки по-разному реагировали на идеологическую перестройку в стране.

Одни действительно попытались найти новые теоретико-познавательные ориентиры в методологии какой-нибудь из зарубежной школ, другие перестроились, заменив цитаты из классиков марксизма-ленинизма ссылками на авторитеты западной исторической мысли или философии, третьи, – представители главным образом не академической, а вузовской науки – либо по-прежнему молчаливо позиционировали себя как марксисты (вслух в этом мало кто признавался), либо вообще бежали всяких разговоров о методологии. Как позитивисты XIX в. отрицали необходимость теории для исторического исследования, так и многие «практикующие историки», напуганные отсутствием четких методологических ориентиров/указаний и необходимостью самостоятельного осмысления вовсе не простых вопросов, предпочли «просто писать». Метод «*нанизывания фактов*» стал для них той отдушиной, где ищущее новых систем координат сознание историка находит свое спасение, свой «духовный якорь» в практике историописания.

Насколько в России изменилось отношение к изучению домарковского социализма, в том числе и французского, показывают слова А.В. Гордона, называющего практику изучения в СССР истории социализма «телеологическим историзмом», а наиболее наглядным примером его материализации считающим творческий путь Волгина⁵⁴.

По возвращении из Франции Г.С. Кучеренко работал ведущим научным сотрудником Отдела истории общественной мысли, мучительно ища свое место в науке 90-х годов: заниматься «утопическим» социализмом в это время уже казалось утопично. Российская историография не стала утруждать себя моделированием истории раннего французского социализма «в логике социальных категорий новой эпохи»⁵⁵, она просто забыла о нем. Общество, всеми силами старавшееся вычеркнуть из памяти свое социалистическое прошлое и возлагавшее надежды на капиталистическое будущее, меньше всего интересовалось историей социалистических идей, которая в кратчайший срок из приоритетного направления историографии превратилась в одиозный анахронизм. Столкнувшись с принципом «сожги, что почитал, почитай, что сжигал», Кучеренко пережил тяжелейший творческий

⁵³ Уваров П.Ю. Европа в поисках идентичности: культурный перелом и провалы в памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Цикл лекций. Казань, 2001. С. 361.

⁵⁴ Гордон А.В. Указ. соч. С. 51.

⁵⁵ Как это произошло, например, в изучении Средневековья. См.: Уваров П.Ю. Указ. соч. С. 369.

кризис. Показательно, что после возвращения из Франции он прожил еще семь лет, опубликовав за эти годы лишь две небольшие статьи в энциклопедиях и очерк о Людовике XVI⁵⁶. И лишь уже в самом конце жизни он вернулся к исследовательской работе, занявшись изучением истории книги эпохи Просвещения. Однако его последняя статья о русских переводах Гельвеция увидела свет уже после смерти автора⁵⁷.

Время саморефлексии отразилось и на его преподавательской работе. В 1992–1994 гг. он задумал спецкурс «О ремесле историка» для студентов историко-филологического факультета РГГУ. Судя по сохранившимся черновым наброскам к лекциям, он пытался дать студентам «некоторые общие представления об условиях, формах и приемах работы историка-профессионала, создаваемых им “изделиях”, их предназначении и особенностях реализации на рынке духовных ценностей». Эти занятия были призваны также «содействовать формированию понятий о профессиональном долге и чести, пределах гибкости и способах отношения с социумом, о мировой и отечественной традиции делания истории, великих мастерах и шедеврах, о родословном древе историка». Разве не актуально было в первой половине 90-х годов обсуждать со студентами первокурсниками «пределы приспособления к общественному спросу и велениям времени»? Здесь между строк – судьба Кучеренко-историка и Кучеренко-человека.

* * *

Волгин, Поршнева и Кучеренко представляют три поколения советских историков: поколение, получившие образование еще до Октябрьской революции и собственно создававшее профессиональную советскую историографию; поколение воинствующих марксистов периода расцвета советского строя; и поколение историков, переживших распад СССР и почти всеобщее пренебрежение к той методологии, которую еще вчера было принято считать единственно верной. Когда мы говорим о советской историографии коммунистических идей во Франции XVIII в., то Волгина мы можем считать олицетворением истории популяризирующей, Поршнева – истории воинствующей, Кучеренко – истории потерянной... Вопрос: надолго ли потерянной?

⁵⁶ Если не считать публикацию его доклада 1972 г. о Поршневе на английском языке. См.: *Koutcherenko G.S. Porshnev Boris Fyodorovich // Great historians of the Modern Age: An International Dictionary / Ed. Lucian Boia. New York; Westport; London, 1991. P. 570–571. См.: Кучеренко Г.С. Людовик XVI (1754–1793): От трона до гильотины // НиНИ. 1994. № 2. С. 218–223; Кучеренко Г.С. Людовик XVI // Исторический лексикон. XVIII век. М., 1996. С. 423–430.*

⁵⁷ *Кучеренко Г.С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е.Р. Дашковой // XVIII век. Вып. 12. СПб., 1999. С. 215–227.*